https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-88-103
https://elibrary.ru/AWCTHH

Научная статья / Research Article
УДК 82.091 + 821.161.1P.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND

© 2024 г. *Д.М. Борисова*

Прошлое и настоящее русской усадьбы в «Повести о лесах» К.Г. Паустовского[1]

Аннотация: К.Г. Паустовский наблюдал русскую «усадебную культуру» на рубеже XIX–XX вв., когда «дворянские гнезда» переживали свой закат и в то же время притягивали творцов и исследователей. В ранней прозе и поэзии автора отразилось влияние «усадебного мифа», идеализирующего прежнюю жизнь в «родовых гнездах». Для зрелого Паустовского усадьба была не «пережитком прошлого», а местом исторической памяти, высокой культуры, связанным с воспоминаниями детства. В произведениях автора отражены как усадьбы Серебряного века («Повесть о жизни», 1946–1963), так и варианты трансформации «усадебного топоса» в советскую эпоху: музей-заповедник («Михайловские рощи», 1937; «Ветер скорости», 1954), музей — дом отдыха («Повесть о лесах», 1948). В «Повести о лесах» писатель отразил драматичную историю русской усадьбы: «оскудение» помещичьих имений на рубеже XIX–XX вв., трансформацию «усадебного топоса» в советскую эпоху, гибель бывшего дворянского имения в годы Великой Отечественной войны. Прообразом изображенной Паустовским усадьбы, где жил и творил П.И. Чайковский, а также соседнего помещичьего имения послужило, как удалось нам выяснить, имение Фроловское под Клином. Несмотря на трагическое завершение истории усадьбы, в повести выражена надежда, что порожденные «усадебной культурой» этические и эстетические ценности сохранятся в будущем.

Ключевые слова: «Повесть о лесах», К.Г. Паустовский, «усадебная культура», «усадебный топос», советская литература.

Информация об авторе: Дарья Максимовна Борисова — магистрант, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет; младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-0454-5924
E-mail: borisovadarya2015@yandex.ru

Для цитирования: *Борисова Д.М.* Прошлое и настоящее русской усадьбы в «Повести о лесах» К.Г. Паустовского // Усадьба и дача в литературе совет-

[1] Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, https://rscf.ru/project/22-18-00051/

ской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 88–103. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 8). https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-88-103

© 2024 г. *Daria M. Borisova*

The Past and Present of the Russian Estate in K.G. Paustovsky's "The Tale of the Woods"[2]

Abstract: K.G. Paustovsky found Russian "estate culture" at the turn of the 19–20th centuries, when "noble nests" were in decline and at the same time attracted creators and researchers. In the early prose and poetry of the author reflected the influence of the "estate myth", idealizing the former life in the "family nests". For the mature Paustovsky estate was not a "relic of the past", but a place associated with the memories of childhood, a place of historical memory, high cultural value. The author's works reflect both the estates of the Silver Age ("A Tale of Life", 1946–1963) and variants of transformation of the "estate topos" in the Soviet era: a museum-reserve ("Mikhailovsky Groves", 1937; "The Wind of Speed", 1954), a museum-house of rest ("The Tale of the Woods", 1948). In "The Tale of the Woods" the writer reflected the dramatic history of the Russian estate: the "depletion" of manor estates at the turn of the 19th – 20th centuries — the transformation of the "estate topos" in the Soviet era — the death of the former noble estate during the Great Patriotic War. The prototype of the estate depicted by Paustovsky, where P.I. Tchaikovsky lived and worked, as well as the neighboring landowner's estate was, as it turned out, the Frolovskoye estate near Klin. Despite the tragic end of the history of the estate the story expresses the hope that the cultural and ethical values generated by the "estate culture" will be preserved in the future.

Keywords: "The Tale of the Woods", K.G. Paustovsky, "Estate Culture", "Eatate Topos", Soviet Literature.

Information about the author: Daria M. Borisova — Master's student, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University; Junior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
E-mail: borisovadarya2015@yandex.ru
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-0454-5924

For citation: Borisova, D.M. "The Past and Present of the Russian Estate in K.G. Paustovsky's 'The Tale of the Woods'." *Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains: A Collective Monograph*, comp. by O.A. Bogdanova, ex. ed. V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 88–103. (Series: "Russian Estate in a Global Context", issue 8). (In Russ.) https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-88-103

---

[2] This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00051), https://rscf.ru/project/22-18-00051/

Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968) принадлежал к последнему поколению писателей, заставшему помещичью «усадебную культуру». Детство и молодость Паустовского пришлись на рубеж XIX–XX вв., когда прежняя дворянская усадьба переживала свой закат (обнищание, продажа родовых имений представителям других сословий, распад многовековых связей между «барином» и «мужиком», смена «усадебного мировоззрения» «мировоззрением дачным»). В то же время именно Серебряный век стал периодом расцвета усадебной темы в русской культуре и временем пристального изучения уходящей в прошлое дворянской помещичьей жизни; именно тогда формируется утопический «усадебный миф», идеализирующий прежнюю жизнь в «родовых гнездах». Все это, без сомнения, повлияло на становление писателя и впоследствии сделало его одним из ключевых «усадебных» авторов XX в. наряду с И.А. Буниным, Б.К. Зайцевым, А.Н. Толстым, М.М. Пришвиным.

Личный усадебный опыт писателя определялся не только временем, на которое пришлись его детство и юность, но и сословным и материальным положением семьи. У Паустовских было небольшое имение под Белой Церковью, в селе Городище[3]; в детстве будущий писатель гостил там. «Старая дедовская усадьба Городище»[4] описывается в первой книге «Повести о жизни» («Далекие годы», 1946):

> За рекой, по ту сторону гребли, как бы взлетали к небу огромные тополя и белел маленький дом. Я узнал усадьбу на острове, где жил в раннем детстве, — ее левады и плетни, коромысла колодцев-журавлей и скалы у берега. Они разрезали речную воду на отдельные могучие потоки[5].

«Поездки в Черкассы и Городище были в моем детстве праздниками»[6], — вспоминает рассказчик. Однако достоверных сведений об этом периоде жизни Паустовского сохранилось немного. Попытка «реконструировать» памятную писателю усадьбу была сделана в статье В. Ярмолы «Род Паустовских: Городище — Пилипча». Автором были использованы текст романа и свидетельства местных жителей, сохранившиеся изображения и фотографии. По словам В. Ярмолы, усадьба Паустовских представляла собой типичное имение мелкопоместного хозяина: там были

---

[3] Белоцерковский район Киевской области.

[4] *Паустовский К.Г.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986. Т. 4. С. 11.

[5] Там же. Т. 4. С. 9.

[6] Там же. Т. 4. С. 50.

«два дома, сарай, хлев и погреб», сад и виноградник, «участки с клубникой и малинником»[7]. В последний раз писатель приехал навестить знакомые места в 1954 г., когда усадьбы уже не существовало. Сохранились колодец и кладбище, где похоронены родственники Паустовского по отцовской линии. Впоследствии в Городищах были установлены памятный знак и доска, в местной школе создан музей Паустовского. К сожалению, В. Ярмолой не было принято во внимание, что «Повесть о жизни» (1946–1963) представляет собой художественное, а не документальное произведение. В описании жизни главного героя в «дедовской усадьбе», истории рода и образах родственников соединяются, как выяснилось в наши дни, реальные факты и литературный вымысел[8].

Большое влияние оказало на писателя имение в брянском селе Рёвны[9], где Паустовский проводил лето в 1902–1912 гг. Усадебный комплекс, сложившийся на рубеже XVIII–XIX вв., включал двухэтажный господский дом в стиле барокко, сад и украшенный скульптурами живописный парк, переходящий в лес. Дом, согласно легенде, был построен самим Б. Растрелли; вероятнее всего, проект здания принадлежал одному из учеников или подражателей знаменитого архитектора. Над парком, органично сочетавшим ландшафтную и геометрическую планировки, работал крепостной садовник Егор Иванович Коптев, обучавшийся в имениях Шереметьевых Кусково и Останкино. Скорее всего, и дом, и парк были созданы при И.С. Страхове, герое Отечественной войны 1812 г., отличившемся при Бородине. В «Повести о жизни» («Далекие годы») писатель назовет Рёвны «старым, запущенным имением»[10]. Действительно, к началу XX столетия усадьба, не однажды сменившая хозяев, сохранила только остатки прежнего величия. Господский дом пустовал большую часть года, запущенный парк зарастал; от беседок сохранились только фундаменты, от садово-парковых скульптур — постаменты. В усадьбе были построены дачи, одну из которых и снимал на лето дядя писателя по материнской линии — военный инженер Николай Григорьевич Высочанский[11]. Дядя был близок с племян-

---

[7] См.: *Ярмола В.* Род Паустовских: Городище — Пилипча // Мир Паустовского. М.: [Б. и.], 2000. № 15–16. С. 7–9.

[8] Подробнее см.: *Рыбалка А.А.* Реальность и вымысел в родословной Константина Паустовского // Историческая экспертиза. Журнал рецензий. 2023. № 3 (36). С. 295–315.

[9] Навлинский район Брянской области.

[10] *Паустовский К.Г.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 4. С. 74.

[11] Подробнее см.: *Кузнецов Д.В.* Рёвны // Дворянские усадьбы Брянского края: из истории культурного наследия Брянщины: в 2 т. Брянск: Буквица, 2018. Т. 1. С. 290–299.

ником, а после распада родительской семьи заменил Константину Паустовскому отца. В «Повести о жизни» («Далекие годы», 1946) и очерке «Зеленая стража» (1948) автор подробно рассказывал о первом приезде в Рёвны, особенно запомнившемся будущему писателю. Паустовский вспоминал:

> Я никогда не забуду тот летний вечер, когда я впервые ехал на телеге с маленького полустанка в глубину этих лесов. Все казалось мне удивительным и таинственным: и вершины сосен, терявшиеся во мраке, и туман над болотами, и блеск звезд в вышине между ветвей, бесшумный полет темных птиц. <…> Мне все казалось, что в лесной тьме, <…> прячутся в овраге разбойники»[12].

Детские впечатления во многом определили будущее писателя как «певца русской природы»: Паустовский признавался, что именно в Рёвнах он, выросший на юге, узнал и полюбил Среднюю Россию. Рёвны, как и Городище, не дошли до наших дней. В 1927–1941 гг. в господском доме разместилась школа; во время немецкой оккупации и сам дом, и последние уцелевшие элементы садово-паркового ансамбля погибли. Сохранился только описанный Паустовским парк. С 1973 г. он объявлен памятником природы местного значения, а с 2002 г. там проходит посвященный писателю литературный праздник «Липовый цвет»[13].

Конечно, и небольшая усадьба Городищи, и Рёвны, где шла полуусадебная-полудачная жизнь, отличались от дворянских имений, описанных в книгах И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, А.Н. Толстого. Личный опыт, несомненно, соединялся у Паустовского с впечатлениями от прочитанных «усадебных» произведений русской классики и литературы рубежа XIX–XX вв., с увиденными картинами (усадебная тема была важна для любимых Паустовским И.А. Бунина, А.А. Блока, К.Д. Бальмонта, живописца В.Э. Борисова-Мусатова).

Изображение помещичьих имений можно найти уже в ранней прозе и поэзии Паустовского (см.: рассказ «Четверо», 1913; неопубликованное стихотворение «Я бросил повод. Сумрачно и скучно», 1913–1915). В творчестве начинающего автора обнаруживается влияние «усадебного мифа»: противопоставление живописного поместья «каменному, угрюмому и тусклому городу»[14], восприятие старинного имения как тихого прибежища, места внутренней работы, поиска себя, душевного исцеле-

---

[12] *Паустовский К.Г.* Зеленая стража // *Паустовский К.Г.* Родина: рассказы, очерки и публицистика М.: Современник, 1972. С. 206.

[13] См.: *Кузнецов Д.В.* Рёвны. С. 290–299.

[14] *Паустовский К.Г.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 6. С. 11.

ния, тоска по «красивой жизни, что ушла из белых домов с колоннами, из дворянских заброшенных гнезд»[15], трагическое переживание угасания усадебной жизни («Я бросил повод. Сумрачно и скучно»)[16].

В зрелой прозе Паустовского усадебная тема появляется достаточно часто. В пьесе «Наш современник (Пушкин)» (1949) изображена жизнь в поместье 20-х гг. XIX столетия, в автобиографической эпопее «Повесть о жизни» и очерке «Зеленая стража» — памятные автору усадьбы рубежа XIX–XX вв. Паустовский не скрывал «темные» стороны усадебного прошлого: в «Повести о жизни» упоминается богатый помещик Любомирский, затравивший собаками мальчика-поводыря («Далекие годы», глава «Корчма на Брагинке»), в «Золотой розе» (1955) с едкой иронией показана жизнь в имении генерала Левковича (глава «Первый рассказ»). При этом писатель не ограничивался советским «стереотипом восприятия дворянско-усадебной жизни», акцентирующим только «ее отрицательные стороны: крепостное рабство, политическое бесправие крестьянского сословия»[17]. Страницы, посвященные пребыванию юного героя «Повести о жизни» в имениях Городище и Рёвны, овеяны светлой поэзией и сближаются с изображением усадебной жизни у Л.Н. Толстого («Детство»), А.Н. Толстого («Детство Никиты»), Б.К. Зайцева («Заря», «Путешествие Глеба»), И.А. Бунина («Жизнь Арсеньева»).

В ряде произведений Паустовского фигурируют разные варианты трансформации «усадебного топоса», благодаря которым усадьба и в советскую эпоху остается культурным центром, местом памяти о прошлом, отдыха на лоне природы и поиска вдохновения: усадьба-музей, усадьба-заповедник («Михайловские рощи», 1938; «Дым Отечества», 1944 (1951); «Хранительница», 1946; «Ветер скорости», 1954), усадьба — дом отдыха («Повесть о лесах», 1948).

Особый интерес для исследователя представляет «Повесть о лесах», отражающая судьбу русской усадьбы с конца XIX по 40-е гг. XX в. Повесть вышла в 1948 г. в журнале «Огонек» (№№ 27–36). Изначально произведение носило название «Преодоление времени» и подзаголовок «Повесть о лесах». Заголовок задавал двойную проблематику — экологическую (одна из сюжетных линий посвящена сбережению и восстановлению природных богатств, в том числе с помощью культивации быстрораству-

---

[15] Там же. С. 10.

[16] *Паустовский К.Г.* Из стихов других циклов // *Паустовский К.Г.* Повесть о жизни: в 2 т. М.: Современный писатель, 1992. Т. 1. С. 590.

[17] *Богданова О.А.* Дворянская усадьба Серебряного века в пространстве ретроспективной утопии // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма. М.: Индрик, 2016. С. 201.

щих сортов деревьев) и историко-философскую (победа созидательного труда над разрушительной силой времени, преодоление людьми трагедий своей эпохи). В первом книжном издании (1949) и во всех последующих произведение называлось уже «Повестью о лесах».

Повесть открывается главой-прологом «Скрипучие половицы». Действие пролога разворачивается в конце XIX в., в усадьбе, где проводит лето П.И. Чайковский (1840–1893). Прообразом усадьбы послужило подмосковное имение Л.А. Паниной Фроловское, расположенное в пяти километрах от г. Клина. Композитор был особенно привязан к городу и его окрестностям; последние восемь лет жизни Чайковского были связаны с этими местами. До Фроловского композитор снимал дом в усадьбе Новиковых Майданово (февраль 1885 – март 1888 гг.; май 1891–1892 гг.), но вынужден был уехать оттуда из-за соседства шумных дачников. Фроловское, доставшееся Паниной в запущенном состоянии, привлекло композитора тишиной и живописностью: «дом стоит на горе, вид чудесный, сад переходит прямо в лес, дачников никаких нет» (письмо П.И. Чайковского к Н.Ф. фон Мекк от 24 апреля 1888 г.). Брату М.И. Чайковскому композитор писал из Клина 15 мая 1888 г.:

> Я совершенно влюблен в Фроловское: <…> вся здешняя местность кажется мне раем небесным. И в самом деле, очень хорошо, до того, что я утром пойду погулять на полчаса, увлекусь и прогуляю иногда часа два. Все лес и даже местами настоящий, таинственно-чудесный бор[18].

Во Фроловском композитор написал Пятую симфонию, увертюру-фантазию «Гамлет», балет «Спящая красавица», струнный секстет «Воспоминание о Флоренции», романсы на стихи французских поэтов; там же работал над оперой «Иоланта» и балетом «Щелкунчик». В свободное время занимался цветоводством. Усадьба располагалась всего в полутора верстах от железной дороги, и к композитору часто приезжали гости из числа родственников и друзей: Г.А. Ларош, Н.Д. Кашкин, М.И. Чайковский, В.Л. Давыдов и др. Недалеко была и усадьба Демьяново, принадлежавшая брату любимого ученика Чайковского — С.И. Танеева. От Фроловского, как ранее от Майданово, композитор, привычный к длинным прогулкам, без особого труда добирался до имения Танеевых пешком. Во Фроловском Чайковский прожил с апреля 1888-го по май 1891-го г.

В «Повести о лесах» композитор поселяется в деревянном доме с мезонином, стоящем на лесной поляне. Описывая лесной дом, Паустовский

---

[18] Музей П.И. Чайковского. URL: https://www.tchaikovsky.house/muzei/usadby (дата обращения: 06.01.2024).

подчеркивает ветхость здания и интерьера: «дом рассохся от старости», в нем «скрипучие половицы»[19], «дребезжащая дверь»[20], «оконные стекла с обвалившейся замазкой», «люстра, потерявшая половину своих хрусталей»[21]. При этом в старинном доме есть своя поэзия, своя музыка: во время игры на рояле «на любую клавишу отзовутся тончайшим резонансом сухие стропила, двери и старушка люстра <…>. Самая простая музыкальная тема разыгрывалась этим домом как симфония. <…> С некоторых пор Чайковскому начало казаться, что дом уже с утра ждет, когда композитор, напившись кофе, сядет за рояль. Дом скучал без звуков»[22]. Даже скрип дерева и дребезжание стекол, слышные каждой ночью, воспринимаются композитором как «незамысловатая песня»[23]. Обстановка, атмосфера дома, его акустика, обеспеченная не только резонированием высохшего дерева, но и самой архитектурой, делают его прекрасным местом для творчества. Фраза о доме, скучающем без звуков, возможно, намекает на прошлое усадьбы, когда в имении кипела оживленная жизнь, а в доме принимали гостей, устраивали музыкальные вечера.

Старый дом, обветшавший, давно не знавший реставрации, но по-своему поэтичный, становится как бы символом усадебной жизни рубежа XIX–XX вв. Русская усадьба все еще остается местом соприкосновения с красотой природы и местом обретения творческого вдохновения: не только дом с «прекрасной оркестровкой»[24], но и «корабельный бор»[25], «просеки, заросли, заброшенные дороги»[26], «удивительный воздух и всегда немного печальные русские закаты»[27] помогают композитору в работе. Вдохновляет Чайковского жизнь простого народа, его фольклорная традиция. Не случайно крестьяне — лесник Василий, живущий в соседней усадьбе, дочь лесника Феня — принимают музыку композитора как что-то свое, близкое им. Лесник воспринимает звуки рояля как что-то чудесное и таинственное («Колдует!») и узнает в них знакомые мотивы («Неужто наше, деревенское? «Среди долины ровныя»! Нет, не то. А схоже! Или то пастухи ударили в лугах, скликая к вечеру стадо?»[28] Феня

---

[19] *Паустовский К.Г.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 3. С. 6.

[20] Там же. С. 9.

[21] Там же. С. 7.

[22] Там же. С. 6–7.

[23] Там же. С. 7.

[24] Там же.

[25] Там же. С. 8.

[26] Там же. С. 7.

[27] Там же. С. 8.

[28] Там же. С. 12.

признается, что готова весь день слушать музыку Чайковского; девочка почти благоговеет перед ним и старается выразить свою признательность (приносит цветы и землянику). Выросшая Феня будет беречь как семейную реликвию подаренные композитором серьги, станет хранительницей памяти о Чайковском.

Усадебная гармония между человеком и природой, дворянином и крестьянином, культурой высших слоев общества и народной традицией меж тем только кажется нерушимой. Композитор узнает от лесника, что соседний помещик Липецкий разоряется и продает лес под вырубку купцу Трощенко, который «леса свел по всей Харьковской и Курской губерниям»[29] (говорящая фамилия героя происходит от слова «троща», древесный материал, полученный после обработки дерева). Чайковский безуспешно пытается спасти полюбившийся ему лес: сначала едет к губернатору и получает отказ, потом хочет перекупить землю у Трощенко, но купец назначает неподъемную для композитора сумму.

История, описанная в повести, опирается на реальные факты из жизни Чайковского. В 1888 г. композитор, недавно приехавший во Фроловское, с огорчением отметил начавшуюся вырубку леса; в 1890 г. от некогда прекрасных лесов осталась «голая плешь»[30]. Чайковский был потрясен случившимся, хотя и не уехал сразу из усадьбы; некоторое время он все еще мечтал купить имение и обрести там дом. Однако надежды композитора не сбылись. В 1891 г. Чайковский ненадолго вернулся в Майданово, а в 1892 г. снял дом на окраине Клина, где был впоследствии открыт музей композитора.

Вторжение буржуазного расчета в жизнь старинных родовых имений показано Паустовским с нескрываемой неприязнью. Выразительный портрет харьковского купца-лесопромышленника дает лесник Василий, пришедший просить помощи и заступничества у Чайковского: «с виду приличный господин. В золотых очках <…>. Чистая бородка», «а в глаза, брат, не гляди — там пусто. Как в могиле»[31]. Лесопромышленник Трощенко не скрывает своего превосходства над беднеющими, непрактичными представителями высшего сословия: «Жили мы маклаками и умрем маклаками, зато в чести и достатке. У нас не благородством шубы подбиты»[32]. Отталкивающее впечатление производит и управляющий купца —

---

[29] Там же. С. 11.

[30] Письмо П.И. Чайковского к М.П. Чайковскому от 5 мая 1890 г. // Музей П.И. Чайковского. URL: https://www.tchaikovsky.house/muzei/usadby (дата обращения: 06.01.2024).

[31] *Паустовский К.Г.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 3. С. 10–11.

[32] Там же. С. 18.

«кривоногий человек в рыжих кудряшках»[33], пахнущий луком. Управляющий по-хозяйски ведет себя в чужом имении, общается с «барином» Чайковским развязно и нагло, а после отъезда композитора, спешащего на порубку, с презрением говорит вслед: «Дворяне! Разговаривать брезгуют. Много мы таких пустили по миру, с пустым карманом!»[34]. При этом Паустовский показывает, что в оскудении и разрушении старинных имений виноваты не только расчетливые промышленники, скупающие земли обедневших помещиков, но и бесхозяйственное дворянство, не думающее о благе будущих поколений. Усадьба Липецкого давно находится в запустении и свидетельствует о крайнем небрежении хозяина: «двор зарос репейником», сторожевой пес бегает «по ржавой проволоке»[35]. В городской усадьбе губернатора все еще кипит жизнь («из сада доносились голоса, смех», молодые люди «играли при фонарях в крокет»), неизменным остается устоявшийся быт («горничная в ситцевом, до скрипа накрахмаленном платье провела Чайковского на веранду», «чай разливала пожилая экономка»). Однако и «облупленные колонны» дома[36], и безразличное отношение губернатора-«либерала» к порубкам свидетельствуют о нарастающем равнодушии самого дворянства к своей культуре, к тому, что родовые земли переходят в руки предприимчивого купечества. Лесник Василий без всякого почтения говорит о своем хозяине: «Лес профукал»[37], а Чайковский, уезжая из усадьбы, винит в случившемся не только «барышника», но и дворян: «Потомки никогда не простят нам опустошения земли, надругательства над тем, что по праву принадлежит не только нам, но и им. Вот они где, “промотавшиеся отцы”!». По мысли автора, ущерб, нанесенный вырубками в проданных лесах, не измеряется только деньгами: вместе с лесом «умерла, не успев расцвести», «ненаписанная симфония»[38].

В сцены прощания Чайковского с домом и отъезда композитора из полюбившихся мест Паустовский включает чеховские детали: шум вырубки, струну, лопнувшую ночью в старом рояле. Леса обречены, как обречен вишневый сад в одноименной пьесе, из-за того, что ни дворяне, ни купцы не чувствуют себя хозяевами земли. Однако чувство это остается в простом народе, о чем говорит лесник Василий в последнем столкновении с Трощенко: «Я этих мест хозяин! Я! <…> Нашелся распоряди-

---

[33] Там же. С. 16.
[34] Там же. С. 17.
[35] Там же. С. 16.
[36] Там же. С. 13.
[37] Там же. С. 10.
[38] Там же. С. 20.

тель!»[39] Глава заканчивается изображением заката над порубкой: прежняя усадебная жизнь уже в конце XIX столетия обречена на гибель.

Основное действие повести разворачивается незадолго до Великой Отечественной войны (1941–1945). В советскую эпоху прежняя усадебная жизнь, постепенно угасающая на рубеже XIX–XX вв., окончательно уходит в прошлое. Бывшие дворянские имения или исчезают (погибают от рук крестьян, разрушаются, оставшись без хозяина и т. д.), или переживают трансформацию (от превращения в тюрьмы и использования под хозяйственные нужды до музеефикации). Однако имение, где гостил Чайковский, ожидает иная судьба:

> В усадьбе <…> был устроен дом отдыха для престарелых музыкантов. Раз в месяц старые музыканты устраивали в доме концерт и всегда приглашали на него Аграфену — единственную жительницу тех мест, знавшую и помнившую Чайковского[40].

Композитор становится как бы гением места, благодаря ему усадьба не разрушается как «пережиток прошлого», а бережно сохраняется. Но сбережение дома, бывшего частью прежней усадьбы, наполнение пространства новым смыслом принципиально важно и по другой причине.

Паустовскому необходимо показать преемственность, неразрывную связь старой классической культуры, во многом созданной дворянством, с новой, рабоче-крестьянской, советской культурой. «Народ» не противопоставляет себя элитарной дореволюционной культуре, не отказывается от ее богатств, а делает ее своим достоянием (не случайно постаревшая Феня хранит память о композиторе и бережет как реликвию подаренные серьги). Еще одним доказательством связи поколений, культурной преемственности становится интерес писателя Леонтьева к истории прошлого, в том числе «усадебной культуре». Леонтьев читает один из томов дореволюционной энциклопедии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» (СПб., 1899–1914 гг., издание А.Ф. Девриена). Герой в духе своего времени считает «слабостями» «пристрастие» составителей «к церковной старине, ярмаркам и помещичьим имениям»[41], однако выписанные им интересные места как раз касаются дворянских усадеб — Ивановки, где жил и творил композитор Рахманинов, и подмосковного имения Троекурово.

Новая эпоха, свободная от власти хищнической наживы, дает возможность восполнить и потери прошлого. Герои — дочь Аграфены Марья

---

[39] Там же. С. 21.

[40] Там же. С. 72.

[41] Там же. С. 54.

Трофимовна, лесничий Баулин, студент Лесного института Коля, ученый-ботаник Петр Максимович Багалей, — занимаются охраной природы и высадкой лесов. Благородное дело увлекает и людей, изначально далеких от лесной науки, — романтичную девушку Анфису, мечтающую стать артисткой, писателя Леонтьева. Прежнюю гармонию отношений человека и природы, разрушенную вместе с былой усадьбой, на новом этапе строительства страны можно восстановить и распространить на весь Союз, о чем и мечтают герои. Однако начатую работу прерывает Великая Отечественная война.

В военные годы бывшие дворянские имения, более-менее благополучно пережившие революционные и послереволюционные разрушения, снова оказались под угрозой. Оккупация и боевые действия нанесли тяжелейший урон многим усадьбам, в том числе Михайловскому, Спасскому-Лутовинову, Ясной Поляне. До сих пор не восстановлены усадьба Державина Званка, имение Шереметевых Ульянка, брянское Хотылево, где гостили Репин и Врубель, усадьба Онег, в которой жил в детские годы Рахманинов, и другие «дворянские гнезда». Не пощадила война и дорогие Паустовскому Рёвны.

Судьба русских усадеб в военное время не могла не волновать Паустовского, о чем свидетельствует неоднократное обращение писателя к этой теме. В очерке «Хранительница» (1946) работница музея остается в великолепной подмосковной усадьбе во время наступления немцев на столицу. Опасаясь, что достояние русской культуры достанется врагу, хранительница решает поджечь дворец. В последний момент усадьбу спасает соседский мальчик, отговоривший героиню от отчаянного поступка; фашисты не успевают дойти до этих мест, а вскоре начинается контрнаступление советских войск. В романе «Дым отечества» один из героев — литературовед Швейцер — становится свидетелем фашистской оккупации Пушкинского заповедника. В очерке «Ветер скорости» (1954) рассказчик, путешествуя по северо-западу страны, посещает возрожденный заповедник, где еще свежа память о страшных разрушениях.

В «Повести о лесах» с началом войны музыкантов эвакуируют «куда-то на восток»[42], дом отдыха закрывают, а ключи передают на сохранение Аграфене. Сюжет, схожий с историей, описанной в очерке «Хранительница», имеет в повести иное завершение. Город и окрестные села занимают фашисты, и надежда героини на то, что «дом стоит в стороне от дороги, заколоченный, тихий, и его не заметят, не тронут»[43], не оправ-

---

[42] Там же. С. 109.

[43] Там же. С. 115.

дывается. В период оккупации в доме Чайковского размещается немецкий штаб во главе с генералом Штумпфом (“Stumpf” — *с нем.* «тупой»; «пень»). Комнату, где когда-то жил композитор, словно в насмешку отвели приехавшему в расположение войск крупному лесопромышленнику Бальцену. В бывшую усадьбу снова пришел циничный буржуазный расчет, во время войны работающий на фашистскую военную машину. Ради производства ацетона и метилового спирта для «всяких взрывчатых штук» Бальцен готов уничтожить русские леса: «Мы их вырубим, если понадобится, до последнего дерева»[44]. Кульминацией становится банкет, устроенный по случаю награждения генерала орденом Железного креста. Аграфена становится свидетельницей праздника и видит, что «полы замараны, затоптаны»[45], а фашисты «пьянствуют как раз в том маленьком зальце, где стоял рояль, в любимой комнате Петра Ильича».

> Длинноногий офицер сидел за роялем в таком виде, что было совестно глядеть. Ноги он положил на рояль, раздвинул их, сколько мог, и играл между ног — колотил, изловчившись, длинными пальцами по клавишам.

Героиня решительно защищает память композитора:

> Ах ты охальник! — громко повторила Аграфена и крепко взяла белобрысого офицера за потный ворот расстегнутого мундира. <…> Она рванула офицера за ворот. Офицер упал. Фашисты вскочили <…>. Офицер привстал и быстро шарил в кармане рейтуз, ругаясь сквозь зубы. Он вытащил маленький черный пистолет[46].

Аграфена погибает, гибнет и дом, загоревшийся от упавшей лампы (ее роняет, убегая, пришедший вместе с Аграфеной местный мальчик Пашка). Однако двойная трагедия нарушает торжество врага на захваченной земле, не дает безнаказанно глумиться над культурой и историей:

> Весь дом гудел от криков. <…> Солдаты вытащили из дома пьяного генерала, потом начали вытаскивать какие-то ящики[47].

Захватчики дорого расплачиваются за гибель усадьбы и ее хранительницы: вскоре после пожара стремительное советское наступление

---

[44] Там же. С. 113.
[45] Там же. С. 115.
[46] Там же. С. 116.
[47] Там же. С. 117.

выбивает фашистов из мест, где жил когда-то великий русский композитор.

Счастливый финал «Хранительницы», написанной двумя годами ранее, во многом объясняется тем, что очерк был напечатан в первый послевоенный год и вдохновлен радостью недавней победы. Спасение усадьбы в очерке символично, оно знаменует спасение русской культуры, сохранение исторической памяти. В «Повести о лесах» Паустовский опирается на реальные факты истории мест, связанных с жизнью и творчеством Чайковского.

Во время оккупации Клина (23 ноября – 15 декабря 1941 г.) фашисты устроили на первом этаже Дома-музея композитора шорную мастерскую и гараж для мотоциклов, в комнатах композитора — казармы, причем в спальне, где раньше стоял рояль, сделали отхожее место[48]. Часть имущества была разграблена и увезена немцами при отступлении; ценная мебель, гравюры, книги, деревянная обшивка стен пошли на растопку; изуродованный бюст Чайковского выброшен из дома. К счастью, основные мемориальные ценности, в том числе рояль композитора, сотрудники успели эвакуировать до прихода в город врага. Перед отступлением фашисты заминировали дом, но наши войска помешали его взорвать[49]. После освобождения города Дом-музей был довольно быстро приведен в порядок и восстановлен. С 1 марта 1942 г. там возобновилась музыкально-просветительная деятельность (выставки, концерты, экскурсии, конференции). 16 ноября 1944 г. музейные ценности были возвращены из эвакуации, 6 мая 1945 г. реконструированный мемориальный дом снова открыл двери для посетителей[50].

Значительно меньше повезло Фроловскому. Село Фроловское было почти полностью сожжено во время войны; сгорел и деревянный господский дом, от которого остался только фундамент. До наших дней дошли остатки фундамента, аллеи парка и пруд[51]. В память о пребывании в этих местах Чайковского на месте бывшей усадьбы установили гранитную стелу (1965). В 1986 г. территория прежней усадьбы была признана памятником местного значения. В конце XX – начале XXI в. Фроловское вошло в состав Музея-заповедника П.И. Чайковского.

---

[48] *Сизко Г.С.* Музей П.И. Чайковского в Клину в годы Великой Отечественной войны // Подмосковный летописец. 2017. № 1 (57). С. 58.

[49] *Тарасова Л.Н.* Клин 1941–1945: хроника и воспоминания. М.: Авторская книга, 2021. С. 149.

[50] См.: Музей П.И. Чайковского. URL: https://www.tchaikovsky.house/muzei/usadby (дата обращения: 06.01.2024).

[51] См.: *Юдин В.С.* Край наш Клинский. Клин: Ред. газеты «Серп и молот», 1999. С. 87–88.

Повесть Паустовского отражает сложную трагическую историю русской усадьбы: упадок и постепенное разрушение дворянских поместий на рубеже XIX–XX вв., их трансформацию в послереволюционный период, нередкую гибель в исторических катастрофах XX столетия. Однако «Повесть о лесах» — отнюдь не плач по ушедшей в прошлое русской усадьбе (в отличие от многих произведений писателей-эмигрантов). Автор верит, что лучшее, что дала России «усадебная культура», — произведения искусства, образец гармонии человека и мира, национальный идеал — сохраняется, несмотря на все трагедии XX в., и наследуется будущими поколениями.

(Автор статьи выражает признательность Коржовой Инессе Николаевне, кандидату филологических наук, доценту, за помощь в проведении настоящего исследования).

Список литературы

Исследования

1 *Богданова О.А.* Дворянская усадьба Серебряного века в пространстве ретроспективной утопии // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма. М.: Индрик, 2016. С. 197–207.

2 *Кузнецов Д.В.* Рёвны // Дворянские усадьбы Брянского края: из истории культурного наследия Брянщины: в 2 т. Брянск: Буквица, 2018. Т. 1. С. 290–299.

3 Музей П.И. Чайковского: URL: https://www.tchaikovsky.house/muzei/usadby (дата обращения: 06.01.2024).

4 *Рыбалка А.А.* Реальность и вымысел в родословной Константина Паустовского // Историческая экспертиза. Журнал рецензий. 2023. № 3 (36). С. 295–315.

5 *Сизко Г.С.* Музей П.И. Чайковского в Клину в годы Великой Отечественной войны // Подмосковный летописец. 2017. № 1 (57). С. 58–59.

6 *Тарасова Л.Н.* Клин 1941–1945: хроника и воспоминания. М.: Авторская книга, 2021. 255 с.

7 *Юдин В.С.* Край наш Клинский. Клин: Ред. газеты «Серп и молот», 1999. 216 с.

8 *Ярмола В.* Род Паустовских: Городище — Пилипча // Мир Паустовского. М.: [Б. и.], 2000. № 15–16. С. 7–9.

Источники

9 *Паустовский К.Г.* Родина: рассказы, очерки и публицистика. М.: Современник, 1972. 238 с.

10 *Паустовский К.Г.* Из стихов других циклов // *Паустовский К.Г.* Повесть о жизни: в 2 т. М.: Современный писатель, 1993. Т. 1. 639 с.

11 *Паустовский К.Г.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986.